

Опубликовано с небольшими (согласованными) изменениями и под названием «Вертикаль власти перпендикулярна России» в аналитическом еженедельнике «Дело» 11 октября 2004 г. (дискуссионный раздел «После Путина») См. <http://www.idelo.ru/344/>

Олег Кен

Нужны ли России великие потрясения?

Слово «Путин», подсвеченное ореолом власти, диктует подсознанию нечто связанное с «выбором пути». По большому счету, путь уже выбран, и нынешние распутица, распутство и путы вряд ли смогут вновь изменить вектор развития России.

Круг первый. 1917-1991 гг.

В 1991 год замкнулся круг движения, открытого революцией февраля 1917 г. Перед Россией открылась дорога свободы. Россия выбрала Ленина. Вместе с ним она получила тотальное огосударствление хозяйства, нищету плановой экономики, безвластие выборных органов, унифицированное единство наций, подавление социальной автономии и господство коллективных норм над личностью. Идеократический эксперимент сомкнулся с технико-экономической модернизацией, социальной мобильностью и образовательный рост. Для осуществления утопии пришлось все более щедро черпать идеи и практики ее антагонистов. Конституция победившего социализма признала равное и прямое избирательное право как неотъемлемый атрибут современной политической системы. Реликтовая империя не смогла преодолеть ни национальных стремлений, ни конституционно закрепить вечность своего существования.

В результате безудержный архаизм марксистского проекта, попытавшегося удержать общество от соблазнов современной цивилизации и вернуть его к первобытной простоте «золотого века», все больше трансформировался в сложное единство утопии с социальным прогрессом и полусознанной тягой к свободе и достоинству личности. Государственная модернизация не утолила, да и не могла утолить, общественной жажды к естественному развитию. На исходе столетия страна возвратилась к задачам, с которыми она вошла в XX век – утверждение свободной рыночной экономики, политическая демократия и гарантии прав личности, национальное самоопределение и позитивное сосуществование народов.

Круг второй. 1991-1999 гг.

Рубеж 80-90-х гг. стал временем складывания классической революционной ситуации – реформаторского замешательства верхов, драматического материального оскудения, взрыва общественной инициативы. Вторая великая российская революция прошла через классические фазы. От своих Генеральных штатов (Съезда народных депутатов) -- к судорожной попытке старого режима «навести порядок» экстраординарными мерами, окончательно разрушившими его легитимность, в августе 1991 г. От формирования правительства с чрезвычайными, революционными полномочиями -- к разгону законодательного собрания, конституционному плебисциту и созданию обреченного на бессилие представительного органа. Как и в революциях прошлого, сужение политической базы власти, распад привычного жизненного уклада, всеобщее недовольство породили попытку постреволюционной власти преодолеть их путем

конструирования объединяющих их национальных задач и возвращения к практике внешнего насилия. Кромвеллевское усмирение Ирландии три с половиной века спустя повторилось в кавказской авантюре Кремля. Наконец, логика насилия и консолидации, вырождение политики в борьбу бюрократических кланов и связанных с ними новых собственников, общественная усталость и маргинализация демократических течений подталкивали к классическому завершению трансформации – к личной диктатуре, балансирующей между социальными силами и эксплуатирующей патерналистские инстинкты и национальные фобии усталого общества. Казалось, история разыграна старым нотам буржуазных революций доиндустриальной эпохи.

Лишь отчасти. Из советской эпохи общество вышло не только с привычкой к конформности – оно категорически не желало гражданской войны или повторения тоталитарной утопии, коммунистического реванша. Российское общество было слишком урбанизованным, образованным и самостоятельным, чтобы дать себя мобилизовать соперничающим политическим силам. В окружающем мире оно видело не столько угрозу происходящим в стране переменам, сколько надежду и пример. С невероятной легкостью российские граждане приняли распад советской империи и частную собственность, новые символы и даже агрессивную неустроенность жизни. Общество выстрадало эти перемены и проявило незаурядную способность к созидательной самоорганизации – наряду с регулятивными усилиями государства, несмотря на его немощь, вопреки ему. Если революционный процесс нуждался в экстраординарном государственном насилии, эту потребность с лихвой утолило ельцинское самоуправство.

К концу 90-х гг. новые механизмы начали работать. На долю властных элит оставалась скромная историческая задача – роль администратора, помогающего обществу цивилизованно корректировать складывающиеся нормы и поддерживать правила игры. Парадоксальным образом эта миссия власти была признана позитивным – и достаточно эффективным -- бездействием (реваншистского, как опасались) правительства Примакова-Маслюкова. Не менее парадоксально, что с принципом государства как скромного менеджера соглашался и клан Ельцина, пробовавшего на роль современных неамбициозных чиновников Степашина, Путина...

Стоп.

Конфликт во властных элитах породил потребность общественной мобилизации – в условиях, когда историческое дело, способное вызвать настоящую волну народной поддержки, было уже сделано. Единственным выходом становилась сплочение вокруг свежейизобретенного национального тотема – стоящего на четвереньках лесного зверя. Государство вновь обрело единство с народом, единство поводья и медведя. Согласие власти с ролью администратора подразумевало ее ответственность перед обществом, принятие на себя бремени народного водительства заново освобождало государство от ответственности.

Генерал Топтыгин. 1999-2004--... гг.

С осени 1999 г. российский политический процесс решительно оторвался от действительной социальной, экономической и культурной динамики общества. 1917, 1989 и 1991 гг. прошли не бесследно. Век революции в России миновал и вместе с ним миновал век реставрации. Для великих свершений и великого злодейства просто не находилось места.

Композиция и поведение новой верховной власти отразили это обстоятельство. Либералы-экономисты взялись за выполнение позитивной задачи государственного менеджмента. Поклонники насилия приступили к выдумыванию великих задач. Осторожное экономическое устройство соединилось с сокрушением стен почти построенного здания. Со звероподобным рвением ослаблялись и растаптывались важнейшие и полезнейшие государственные институты – Совет Федерации, Государственная Дума, Прокуратура, Правительство, наступает последний час избранных губернаторов и мэров. Понятно, что при этом не могли остаться в стороне общественные и экономические институты – телекомпании, политические партии, крупный бизнес. На силы правопорядка были вновь возложены уродливая миссия – растаптывать российский закон в Чечне во имя его торжества в России, силой навязывать свою волю тем, чьи права они призваны оберегать.

Беспочвенность, никчемность и анемичность действий высшей власти, как только они выходят за рамки экономико-административного менеджмента, выразилась в ее неустанной мимикрии. Президент старается нравиться всем, имитируя то антиамериканизм, антикапитализм Сукарно -- отца «направляемой демократии», то свергнутого его Сухарто, прославившегося кровавым унитаризмом, сращиванием государства с бизнесом, созданием безальтернативной партии власти, сервильной кооперацией с сильными мира сего. У Сукарно и Сухарто (как, впрочем, у Сталина или Муссолини) была своя важная историческая функция, определенная потребностями догоняющего развития. В России XXI века у президента такой роли просто не может быть – и он неустанно выдумывает, имитирует, запугивает себя и других, подражая провинциальному мессианству Дж. Буша, то аргументации Ивана IV.

В сентябре 2004 г. был перейден рубеж. Рубеж адекватности: национальной идеей была провозглашена борьба с международным терроризмом – проблема мистифицированная и предельно усугубленная самой властью. Власть может позволить себе быть аморальной и безответственной, но она не может длительное время быть неадекватной реальным общественным потребностям. В глазах высших носителей власти – испуг и растерянность, заявления истеричны, разъяснения нелепы.

Вертикаль власти оборачивается ее перпендикулярностью российскому социуму, технологическим и культурным реалиям XXI века. В исторической перспективе у нынешнего режима нет того будущего, которое он себе пророчит – Лорда-Протектора Земли Русской.

У него есть другое будущее – превращение в администратора общественного прогресса. Эта трансформация зависит от того, когда и как общество сможет самостоятельно артикулировать свои интересы, проявить волю и вернуть государство на его законное историческое место.